

- ¹⁶ Солженицын А. Приемы эпоей. С. 172. Детальный анализ осмысления «истоков» истории России XX в. в романе Алданова см. : Дронова Т. Роман М. А. Алданова «Истоки» : художественно-философский анализ исторических предпосылок XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. : Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 85–90.
- ¹⁷ Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М. Соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1996. С. 227.
- ¹⁸ Алданов М. Чертов мост // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1991. С. 319.
- ¹⁹ Солженицын А. Радиоинтервью о «Марте Семнадцатого» для Би-Би-Си // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 352.
- ²⁰ См. подробнее: Трубецкова Е. Философия случая в романах Алданова : синергетический аспект // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1998. № 2. С. 97–109 ; Она же. Набоков и Алданов : «диалог о Случае в истории» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 62–69.
- ²¹ Алданов М. Пещера // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. М., 1991. С. 346.
- ²² См.: Солженицын А. Краткие пояснения // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 8. С. 482.
- ²³ Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. С. 245.
- ²⁴ Нива Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда. 2003. № 12. С. 143.
- ²⁵ См.: Герасимова Л. Смысловое пространство истории (А. И. Солженицын и Ю. М. Лотман) // Герасимова Л. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007. С. 27–49.
- ²⁶ Солженицын А. Темплтоновская лекция // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 321.
- ²⁷ Солженицын А. Радиоинтервью о «Марте Семнадцатого» // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 355.
- ²⁸ Солженицын А. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 474.
- ²⁹ Немзер А. Она уже пришла : Заметки об «Августе Четырнадцатого» // Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына : опыт прочтения. М., 2010. С. 36.
- ³⁰ Алданов М. Истоки // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 1991. С. 291.
- ³¹ Там же. С. 523.
- ³² Алданов М. Девятое термидора // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1991. С. 228.
- ³³ Алданов М. Истоки. С. 523.
- ³⁴ Солженицын А. Приемы эпоей. С. 176.
- ³⁵ Там же. С. 173.
- ³⁶ Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. На возврате дыхания. С. 19, 34.

УДК 821.161.1.09-31+929Солженицын

ТЕМА СМЕРТИ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

И. Ю. Кудинова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivkudinova@yandex.ru

В статье рассматриваются различные аспекты восприятия смерти, художественно осмысленные А. И. Солженицыным в повести «Ракочый корпус»; намечается духовный вектор произведения.

Ключевые слова: Солженицын, понимание смерти, мировосприятие, точка бифуркации (пороговая ситуация), авторская стратегия.

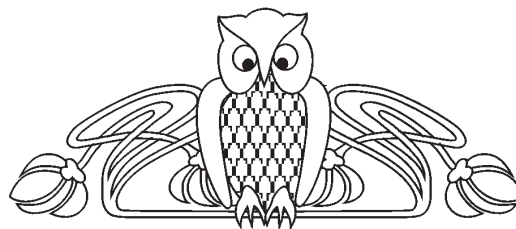
**The Topic of Death in the Short Novel by A. I. Solzhenitsyn
«Cancer Ward»**

I. Yu. Kudinova

In the article the author regards different aspects of death perception artistically reconsidered by A. I. Solzhenitsyn in the short novel «Cancer Ward»; the spiritual vector of the novel is defined.

Key words: Solzhenitsyn, death perception, world perception, bifurcation point (threshold situation), author's strategy.

В повести «Ракочый корпус» отразился важнейший, по-настоящему переломный момент жизни А. И. Солженицына, когда в 1954 г. жить ему (по прогнозам врачей) оставалось не более трёх недель, а спустя несколько месяцев, весной, он

вышел из ташкентской клиники на новую «жизнь-довесок – как хлебный довесок, приколотый к основной пайке»¹. Сам Солженицын воспринял это выздоровление как исцеление: «При моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель»². Получается, «Ракочый корпус» – часть этой цели.

Можно с уверенностью говорить, что в повести сконцентрированы общечеловеческие вопросы и вечные антиномии, которые тесными узами связывают творчество Солженицына с традициями классической русской и мировой литературы. Бесспорно, одна из центральных антиномий – это столкновение жизни и смерти. В сильной позиции, в самой заглавии повести, звучит номинация болезни, которая, по мысли О. Клемана, является «концентрированным выражением смертной участи человека»³. Рак – это символическая болезнь. В исключительно короткое время (несколько недель), в тесно замкнутом

пространстве (больничная плата) пересекаются судьбы разных персонажей – больных и врачей, объединённых желанием победить смертельные метастазы. При этом, по мысли Солженицына, «повесть – не только о больнице, потому что при художественном подходе всякое частное явление становится <...> ”связкой плоскостей”»: множество жизненных плоскостей неожиданно пересекаются в избранной точке»⁴. Бывший зэк Олег Костоглотов, благополучный аппаратчик Павел Николаевич Русанов, школьник-подросток Дёма, бесшабашный Ефрем Поддуев, цветущий хлопец Прошка – автор создаёт ряд ярких социальных характеров, с одной стороны; с другой стороны, следуя за Л. Н. Толстым, представляет отношение к смерти во всём многообразии. Мы полагаем, что пребывание в раковом корпусе можно рассматривать как некий жизненный узел, *точку бифуркации*⁵, когда человек перед лицом смерти может покаяться, таким образом возвысившись и омыв в себе частицу вечности, или же утвердиться в своей духовной глухоте.

Прежде всего, в тексте «Ракового корпуса» осмысливается советское понимание смерти, а точнее, её непонимание. «Жизнь дана для счастья», «Всё ради человека, всё на благо человека», «Я люблю жизнь во всех её проявлениях» – подобная философия умолкает, когда речь заходит о смерти. Произошло некое вытеснение тайны смерти из «благополучного» советского сегодня и светлого советского завтра. «Не породило ли это <...> у “развитого” человечества настоящий духовный невроз, когда в стремлении уничтожить ужас, человечество умножает его?»⁶, – размышляет О. Клеман. Более того, факт отсутствия «памяти смертной» увлек советского человека «к своего рода “выпадению” из истории, к нравственному одичанию», – заключает О. В. Гаркавенко⁷. Исторгнутый из повседневного существования, выброшенный на обочину жизни со страшным диагнозом «рак», человек оказывается совершенно неготовым осознать это, оказывается беспомощным перед лицом смерти: «Ничего. У меня вообще не рак» (16), – отчаянно убаюкивают себя герои. Каждый из персонажей вынужден самостоятельно нащупывать для себя некие духовные опоры и ориентиры, которые совершенно необходимы в *пороговой ситуации*.

Ефрем Поддуев – представитель целого поколения людей, человек своего времени, который «переделал пропасть разной работы <...> и так чувствовал себя и вокруг себя, что ни предела, ни рубежа не поставлено ему» (88). Теперь Ефрем вынужден мерить палату шагами и думать о прошлой складной жизни, которая была приятна, но годилась только, «пока не заболели люди раком или другим смертельным. Когда ж заболели, то становилось ничто и их специальности, и хватка, и зарплата. И по оказавшейся их тут беспомощности и по желанию врать себе до последнего, что у них не рак, выходило, что все они – слабаки и что-то

в жизни упустили. Но что же?» (91). Вспоминал Ефрем стариков на Каме, которые были в этом смысле совсем не слабаками, а принимали смерть без страха, не оттягивая расчёт, а «переходили спокойно, будто просто перебирались в другую избу» (91). Ответ на вопрос: чем же ему следует встречать смерть? – герой находит в сборнике рассказов Л. Н. Толстого («Народные рассказы» – попытка художественно интерпретировать Евангелие). «Чем люди живы? <...> Даже и вслух это не выговаривалось. Неприлично вроде. – Мол, любовью...» (97).

Особо отметим, что подобные размышления и сам факт последовательного осмысления жизни Солженицын связывает именно с *предельной ситуацией*, когда герою, «чтобы понимать, надо было вспомнить, <...> что ему остались считанные дни разобраться в себе самом» (106). Путь от материального к духовному, путь, устремлённый вверх, полон испытаний. Часто толчком к осознанию служит внешнее побуждение, а «толчком к обнажению совести часто становится личная катастрофа»⁸. Дж. Ф. Понтузо отмечает: «Жизненный опыт убедил Солженицына в том, что только после падения с высоты люди обращают взор внутрь собственной души <...>, только пробив брешь в их самоуспокоенности и довольстве собой, можно открыть для них путь к состраданию и даже мудрости»⁹.

Печальнее всего, когда человек лишён возможности на пороге смерти осмыслить свою жизнь и обнажить совесть. Такова судьба Прошки – на вид здорового и полного сил юноши, которого навсегда выписывают из диспансера с диагнозом на латыни «Опухоль сердца, случай, не поддающийся операции». На волю его провожают радостные товарищи: «Прошка шёл весело, и белые зубы его сверкали <...>. Он всем им пожал руки и, ещё с лестницы весело оборачиваясь, помахивал им. И уверенно спускался. К смерти» (108).

Позже читатель узнает, что скончался и Ефрем Поддуев. Однако нет сомнений в том, что герой поднялся на новый уровень мировосприятия, который остался бы недостижимым, если бы не раковый корпус.

Перерождение Поддуева, его «блёклая, водянистая правдёнка» (219) более всего досадила молодому и энергичному геологу Вадиму Зацырко. Образ жадного до жизни Вадима, с его желанием «отдать – но не по мелочам, не на каждом заплетаемся шагу, а вспышкой подвига – сразу всему народу и всему человечеству» (219), ставит, по сути, очень важный вопрос. На протяжении повествования в соответствии с авторской стратегией образ раскрывается всё полнее. Примечательно то, как воспринял Вадим известие о смерти Ефрема: «Он слышал о Поддуеве, но не почувствовал сожаления. Поддуев не был ценным для общества человеком. <...> А человечество ценно всё-таки не своим гроздящимся количеством, а вызревающим качеством» (224). Солженицын показывает,

что вульгарная категория «полезности» не просто становится аксиологической, но действительно применяется для оценки человеческой жизни. Автор осознаёт, что подобная позиция таит в себе значительную угрозу: смену мировоззренческих парадигм, полную переоценку нравственных норм и ценностей. Именно своим выдающимся талантом объясняет герой «справедливость, разумность, чтоб именно он остался жив!» (380). Вадим стремится сохранить жизнь для счастья грядущих поколений, поэтому не противится спекуляции на имени отца и с нетерпением ждёт коллоидное золото, которое может остановить метастазы.

Насколько велика бывает та цена, которую платишь за счастье, размышляет в повести ещё один герой – старый большевик Алексей Филиппович Шулубин. Х. Мучник отмечает, что «из птицы, созданной для полёта, Шулубин превратился в искалеченное и хромоте поваленное на землю болезнью и беспокойной совестью существо»¹⁰. Беседа Шулубина и Олега Костоглотова – один из центральных эпизодов повести. На пороге смерти Шулубин размышляет о своей жизни и о жизни всего народа. Он окончил Тимирязевскую академию, читал лекции в Московском университете. От ареста за идеологически неверные воззрения спасся отказом от своих «ошибок», сменил специальность, опустился в звании от профессора до ассистента, стал библиотекарем, жёг и уничтожал *лжекниги* (по генетике, эстетике, этике и кибернетике). Шулубин всю жизнь унижался ради семьи, но жена умерла, а дети выросли и «наплевали в душу». Таким образом, Солженицын выводит следующую точку зрения: взгляд человека, который, как и десятки, сотни тысяч других людей, всё время был по эту сторону колючей проволоки, жил обычной жизнью советского, партийного гражданина. «Вы хоть гнулись меньше, цените! <...> Вот это “как один человек” вы знаете чего стоит? Люди мы все-все разные и друг – “как один человек”! Хлопать-то надо, ручки повыше задрать, чтоб и соседи видели, и президиум. А кому не хочется жить?..» (363), – с горечью признаёт Шулубин. Почему за десять лет целое поколение людей теряет общественную энергию, а «импульсы доблести <...> становятся импульсами трусости» (364)? Люди платили за продление жизни ложью, предательством, лицемерием, уничтожением, что влекло разложение и распад личности. Получается, все эти десятки и сотни тысяч людей, не выведенных в повести, в той или иной мере тоже страдают гнетущим раком. Однако этот рак – духовный. Быть может, все эти люди в каком-то смысле тоже находятся на пороге смерти, в пограничной ситуации. Тем страшнее обыкновенность и повседневность духовного падения, которое охватило народ. Вот как позднее, в 1973 г., Солженицын осмыслил это в статье «Раскаяние и самоограничение»: «Это царство неправды, силы, бесполезности справед-

ливого, неверия в доброе, – эта болотная жижа, она и была составлена из нас, из кого же другого? <...> Каждый из нас, если станет прожитую свою жизнь перебирать честно, без уловок, без упрятков, вспомнит не один такой случай, когда притворился, что уши его не слышат крика о помощи, <...> и, конечно же, всегда голосовал, вставал и аплодировал мерзости (хоть и в душе испытывая мерзость), – а как бы иначе уцелеть?»¹¹ Шулубину выход видится в нравственном социализме: «...не к счастью устремить людей, <...> а к взаимному расположению. <...> это – высшее, что доступно людям!» (371). С образом Шулубина также связан ещё один очень важный нравственный прорыв. Солженицын предлагает нравственно-философское осмысление смерти, преодолевающее идею конечности и интегрирующее идею перехода. Так, после операции состояние Шулубина крайне тяжёлое, Олег Костоглотов приходит поддержать его и слышит отчаянный хрип больного: «”Весь не умру, – прошептал Шулубин. – Не весь умру. <...> Осколочек, а?.. Осколочек?..” И тут дошло до Олега, что не бредил Шулубин, и даже узнал его. <...> И тогда он сказал: ”А иногда я так ясно чувствую: что во мне – это не всё я. Что-то уж очень неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек Мирового Духа. Вы так не чувствуете?”» (404).

В «Раковом корпусе» действительно есть персонажи, которые почувствовать этот *осколочек* не могут, потому что они давно умерли, оставаясь при этом физически живыми. Таков Павел Николаевич Русанов. Это преуспевающий аппаратчик, его жертвы разбросаны по самым разным уголкам России, зато его дом и семья – полная чаша, защищённая заслугами и связями. Однако в благоденствие Русанова вмешалась болезнь, и он попал в тринадцатый раковый корпус, где «в несколько часов Русанов как потерял всё положение своё, заслуги, планы на будущее, – и стал семью десятками килограммов тёплого белого тела, не знаящего своего завтра» (17). Получается, если вычесть положение, заслуги, то у Русанова останется лишь тело, а как же душа? Солженицын показывает, что, даже будучи тяжело и опасно больным, этот человек (и подобные ему люди) совершенно не готов задуматься о своей жизни, а тем более раскаяться. По отношению к смерти Русанов испытывает страх (сродни животному): «”Зачем вы меня пугаете? Это не методически!..” <...> но при слове “умирают” всё охолодело у него внутри» (49). Отношение героя к смерти выявляет, прежде всего, его духовную несостоятельность. В повести Русанов выздоравливает, однако излечение от духовной болезни для него невозможно. В этом случае для Солженицына вся значимость физического выздоровления сходит на нет.

И, наконец, особым образом следует выделить восприятие смерти главного героя повести Олега Костоглотова. Очевидно, что он не приемлет утверждаемой философии (это «идолопоклонство жизни по сю сторону смерти, а значит,

подгачиваемое смертью»¹². После войны, лагеря, приговора к вечной ссылке, Костоглотову ставят диагноз «рак»: «Говорите!» <...> Ну, и он мне лепанул: “Три недели проживёте, больше не ручаюсь!” <...> За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, ещё когда тело его не умерло. Ещё что-то там в тебе кровообращается или пищеварится – а ты уже, психологически, прошёл подготовку к смерти. И пережил саму смерть. Всё, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрашно. Хотя ты не причислял себя к христианам, и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя» (35). Костоглотов переступил границу смерти, будучи живым, но именно это позволило ему переосмыслить своё мироощущение, простить, покаяться и «оттаять» духовно. Ведь раскаяние – «дар, <...> может быть, более всего отличающий человека от животного мира»¹³. Эту сложнейшую, противоречивую внутреннюю работу героя Солженицын последовательно описывает, показывая, что «только исчезновение, жертва открывают Олегу путь к духовному исцелению и делают возможным его “исход”»¹⁴. Очевидно, что по сравнению с другими героями «Ракового корпуса» Костоглотов на пороге смерти не просто меняется, но, пережив смерть, *Воскресает*, то есть качественно перерождается, созидая личность на новой основе. (Ср.: «Взял тело, а прикоснулся Бога; принял землю, а нашел в нем небо; взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал!»¹⁵)

В заключение можно сказать, что тема смерти в повести «Раковый корпус» представлена действительно многоаспектно: советское понимание смерти, смерть как итог жизненного пути, духовная смерть человека, нравственно-философское понимание смерти. Предлагая различные варианты судеб, Солженицын, будучи истинным художником, не декларирует идеи, а показывает степень нравственной подготовленности каждого персонажа и пути возрождения человека. Именно поэтому критики, писавшие о «Раковом корпусе», с нескрываемым удивлением отмечали, что эта повесть о смерти проникнута непобедимым чувством жизни¹⁶. Надежда – вот основа нравственной позиции Солженицына. Эдвард Эриксон

отмечает: «Всякий, кто внимательно читал его сочинения, подтвердит, что он раз за разом строит их, переходя от слов скорби или предупреждения к слову надежды»¹⁷.

«Раковый корпус», по мысли самого Солженицына, – это «преодоление смерти жизнью, прошлого – будущим, я по свойствам своего характера иначе не взялся бы и писать»¹⁸.

Примечания

- ¹ Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М., 2012. С. 409. В дальнейшем ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- ² Солженицын А. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 11.
- ³ Клеман О. Возрождение совести // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. М., 2010. С. 148.
- ⁴ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 595.
- ⁵ О значении «точек бифуркации» в произведениях А. И. Солженицына подробнее см.: Герасимова Л. Этюды о Солженицыне. Саратов, 2007.
- ⁶ Клеман О. Указ. соч. С. 148.
- ⁷ Гаркавенко О. Христианские мотивы в творчестве А. И. Солженицына : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 61.
- ⁸ Понтузо Дж. Ф. Возрождение духа // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 126.
- ⁹ Там же. С. 127.
- ¹⁰ Мучник Х. «Раковый корпус» : Судьба и вина // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 562.
- ¹¹ Солженицын А. Раскаяние и самоограничение // Из-под глыб : сб. ст. Париж, 1974. С. 117.
- ¹² Клеман О. Указ. соч. С. 148.
- ¹³ Солженицын А. Раскаяние и самоограничение. С. 119.
- ¹⁴ Клеман О. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁵ Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/61346.htm> (дата обращения: 26.11.2013).
- ¹⁶ См.: Лейдерман Н., Литовецкий М. Современная русская литература : 1950–1990 гг. : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 248.
- ¹⁷ Эриксон Э. Мировоззрение Солженицына // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. С. 64.
- ¹⁸ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 54.